

Запредельное обыденное

Циклы работ Анастасии Хорошиловой сплетаются в венок вокруг одного сюжета: ее интереса к людям. К ним самим. Их лицам. Телам. Домам, в которых они живут. Среде обитания, которую они создали.пейзажам, в большой пустоте которых все равно остаются знаки присутствия человека. Так лесник, проходя по лесной чаще, читает вокруг себя незаметные постороннему глазу знаки присутствия зверья, заломы веток, примятую траву, следы. Интерес Хорошиловой к людям спокоен и медлителен настолько, что она успевает внимательно (вдумчиво – как писали в классических русских текстах) рассмотреть человека целиком, успевает даже удивиться причудливости его и неповторимости. Судя по ее фотографиям, всякий человек достоин того, чтобы его заметили. По его видовому признаку. Долгое время такое внимание считалось признаком гуманизма. Но может быть и признаком учености. Потому как рассматривая индивидуума внимательно, в нем можно увидеть судьбу, ту связь личного и типического, что делает всех нас претендентами на место в Истории. Остается прийти тому, кто запишет всех в большую книгу.

В наше время визуальное вытесняет вербальное, точнее, поглощает его, стирая границы между образом и знаком, заставляя знаки (типическое) стремиться к неповторимому способу написания, а образы, в силу их огромного числа, которое невозможно воспринимать во всей полноте образной формы, превращает в знаки, редуцируя множественные смыслоносущие детали.

Обладая собственной манерой уважительного рассматривания, Анастасия напоминает ученого позапрошлого века, гуманитария-народника, который, получив прекрасное университетское образование, едет в деревню, чтобы там «нести народу доброе, чистое, вечное» и одновременно собирать и записывать народную мудрость. Такой ученый сочетал в себе фольклориста и этнографа, историка и культуролога, социолога и религиоведа. У фотографа Хорошиловой, уехавшей из России учиться в Германию и вернувшейся домой в поисках своих тем, каждая серия сопровождается обстоятельной запиской, вполне научно и сухо обозначающей дискурс, в котором надо воспринимать работы (отталкиваясь от которого они были созданы). Но парадокс изображения заключается в том, что оно многосложнее и глубже той вербально определяемой задачи, которая перед изображением ставится.

Всматриваясь в произведения Анастасии, ловишь себя на мысли, что перед тобой – там, внутри фотографий – происходит проявление мифа. По суждению русского философа Лосева, «миф есть ... наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – *наиболее яркая и самая подлинная действительность...* далекая от всякой случайности и произвола». В фотографии Хорошиловой миф светится внутри сквозь обыденное, слишком обыкновенное, вглядываясь в которое, кажется, будет тягостно скучно (в понимании «скучного» по Достоевскому), как и смотреть на сами фотографии, в своей медлительной простоте вызывающие отчужденность. Но сквозь обыденное, профанное проступает видение другого мира.

У этнологов, на основании изучения множества вариантов изложения древней концепции строения мира (мифа о его трех частях – подземной, земной и небесной / мифа о подземном мире / мифа о загробном мире / мифа о небесах) есть определенное представление о границах, разделяющих миры. Проникнуть сквозь границы можно рождением и смертью. На протяжении веков сравнивают смерть и сон, точнее: во сне, как и в смерти, границу, разделяющую миры, можно пересекать. Признаком пересечения становится отсутствие теней. Ровный сумеречный свет, заливающий все. Медлительность и раздумчивость крупных фигур, длительность линий горизонта и углов стен и пола,

прозрачность цветов – в фотографиях Анастасии они переносят зрителя в запредельный мир, где все продолжается и все-таки не существует (будучи там, а не здесь, где зритель). Так в записях Достоевского ад описан как чулан, место обыкновенно скучное...

Цикл «9,5% плюс» Хорошиловой – портрет женщин, состоящих на государственной службе и оттого одетых в униформу, такую, что привычнее видеть на мужчинах. В своей записке к серии Анастасия пишет, что ее интересовали отношения женщины и власти, сохранение (приобретение новой?) сексуальности женщины в форме... судя по тексту, главным для автора был дуализм ситуации. Женщина / служба.

Хорошилова сделала цикл портретов, где, изучив композицию и униформу, в конце концов, останавливаешься на рассматривании лиц героинь. И не можешь пробиться к ним. Они за экраном, «за стеклом» из униформы, самостоятельно принявшие решение стать стаффажем, провести границу между собой и миром. Женщины, выбравшие службу (военную службу), выходят из одной реальности, традиционной («три К»: кухня, киндер, кирха), или эмансипированной, но цивилизованной и становятся частью другого мира, мира порядка (Ordnung). Но даже опыт гораздо более эмансипированного, чем русское, американского общества, отраженный в «Солдате Джейн» и многочисленных романах на «производственную» (военную) тему, как и будоражащие воображение древние легенды об амазонках, не дает ни секунды уверенности в том, что женщина может быть принята в мире Ordnung как полноправно своя, может слиться с ним как естественная часть его. Героини этого цикла подобны фантомам, висящим в серой без теней, бестелесной атмосфере привычных упорядоченных ландшафтов. Сквозь эту форму к ним не прикоснуться. Как болотные духи, как спящие, они смотрят на нас из своего дважды и трижды отторгнутого мира: собственной волей – одетой формой, социумом, ответившим на их выбор, фотографией, создающей хрупкую, но ощутимую границу между запечатленной реальностью и реальностью зрителя. Анастасия Хорошилова, как немногие избранные, точно чувствует границу. Создает картины запредельного обыденного.

Ирина Чмырева, к.иск.

внс, уч.секретарь

Отдел искусства России XX в.

НИИ Российской Академии художеств

Арт-директор

PhotoVisa

Международный фестиваль фотографии

Россия